

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

О НЕДОСТАТКАХ ФОРМАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© 2010 г. Т.В. Кленова¹

Основными показателями состояния практики квалификации преступлений являются данные о правильной и неправильной квалификации. Для анализа неправильной квалификации выявляют случаи отмены и изменения процессуальных документов в связи с несоответствием вывода о квалификации преступления уголовному закону. Если решения о квалификации преступлений не были изменены или отменены в установленном УПК РФ порядке, то они имеют статус правильных. Важно, чтобы этот статус соответствовал фактам.

Условием доверия к правоприменительным органам является признание их деятельности по существу правильной. По уголовным делам общественные ожидания связываются с непривлечением к уголовной ответственности невиновных и справедливым приговором в отношении лиц, совершивших преступления.

В УПК РФ несправедливость приговора признается основанием его отмены или изменения. В законодательном определении несправедливость приговора соотнесена с несправедливостью наказания (ст. 383 УПК РФ). В ч. 1 ст. 379 УПК РФ другими основаниями отмены или изменения приговора названы: несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (п. 1); нарушение уголовно-процессуального закона (п. 2); неправильное применение уголовного закона (п. 3). В приведенной законодательной классификации оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке не применены понятия “неправильная квалификация преступлений” или “ошибка в квалификации преступлений”. Поскольку критерием оценки справедливости приговора в УПК РФ признается только назначенное наказание, можно предположить, что неправильная квалификация (как уголовно-правовая категория) имеется в виду в п. 3 ст. 379 УПК РФ, в котором указывается на применение уголовного закона. Из этого следует предположение, что в уголовно-процессуальном законе задан формальный подход к оценке приговора в части квалификации преступления, исходя из принципа законности, но не справедливости.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 16 мая 2007 г. определил правовую позицию, отличную от изложенной в УПК РФ, с многоаспектной характеристикой несправедливости приговора: “Судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его несправедливости – неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта². Данное Постановление Конституционный Суд вынес в результате рассмотрения запроса президиума Курганского областного суда, оспаривающего конституционность норм УПК РФ, препятствующих возобновлению производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые свидетельствуют о наличии признаков более тяжкого преступления. Поводом для запроса послужил приговор по уголовному делу Б.Л. Акимовой, вынесенный Петуховским районным судом Курганской области 10 марта 2005 г. Е.Л. Акимова была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ – “Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью”. Смерть потерпевшего не была вменена в вину Е.Л. Акимовой, хотя потерпевший скончался еще до вынесения приговора, причем смерть его, как было установлено уже после вступления приговора в законную силу, находилась в непосредственной причинно-следственной связи с нанесенной ему колото-резаной раной.

В интерпретации Конституционного Суда приговор является несправедливым, когда и уголовно-правовые, и уголовно-процессуальные выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, т.е. показателями несправедливого приговора признаются неудовлетворительность доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также неправильная квалификация преступления, даже при формальном соблюдении норм действующего законодательства.

¹Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

²Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

То, что в УПК РФ несправедливость приговора определена в непосредственной связи только с назначением наказания и при классификации оснований отмены или изменения судебного решения не названа неправильная квалификация преступлений, является последствием недооценки значения квалификации преступлений.

Число сторонников позиции, в соответствии с которой допускается преуменьшение значения квалификации преступлений, возросло после принятия УПК РФ. Все чаще неправильной квалификации по значимости противопоставляются процессуальные основания отмены или изменения процессуальных решений. Вывод о приоритетном значении вопросов уголовного процесса подкрепляется ссылками на большую опасность процессуальных нарушений при применении именно УПК РФ как закона нового, реформаторского, сориентированного на состязательный процесс.

У идеи приоритетности уголовно-процессуальных вопросов есть нормативное обеспечение. Так, согласно ст. 7 УПК РФ при определении принципа законности в производстве по уголовному делу предусматривается, что суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу (ч. 1). Суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом (ч. 2)³.

Ошибочность тезиса о приоритетности одного федерального закона перед другим становится более явной, когда утверждается превосходство уголовно-процессуального закона в отношении уголовного закона, определяющего базовые положения по отношению ко всем отраслям законодательства, регулирующим противодействие преступности. И опасность ошибочного решения, когда оно усиливается формой законодательного предписания, возрастает. Признание самостоятельности отрасли права не должно сопрягаться с утверждением ее привилегированности. Конечно, юридическая

процедура, ее стабильность значимы сами по себе. Однако источники норм уголовного процесса, как и уголовного права, не должны доминировать в правовой системе в целом и в ее отдельных структурных частях (циклах). Иное решение представляет угрозу для устойчивости правовой системы. Все кодифицированные федеральные законы обладают равной юридической силой. Для режима законности в государстве опасны даже сами дискуссии о том, какой из кодифицированных законов важнее, а такие дискуссии неизбежны, когда допускаются противоречия норм и дефиниций отраслей права. Коллизии (противоречия) норм разной отраслевой принадлежности должны разрешаться путем внесения в законы соответствующих изменений. Исходя из принципа системного правотворчества, в законах смежных отраслей права должен использоваться общий понятийный аппарат, разработанный с участием специалистов смежных отраслей права. Понятие квалификации преступлений как раз относится к общему категориальному ряду, оно востребовано и в уголовном праве, и в уголовном процессе.

Взаимосвязь материального и процессуального аспектов квалификации преступления наиболее ярко проявляется при определении справедливости обвинительного приговора, как это, например, показано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. Достоверное установление обстоятельств дела и точное их отражение в выводе о совершении лицом преступления – это необходимые предпосылки признания приговора справедливым. Иное решение, реализованное в УПК РФ, с упрощенным представлением о справедливости приговора, видимо, связано с тем, что в этом законе достижение истины по делу не определено целью правосудия⁴.

Известны и обстоятельства уголовно-правового характера, способствующие преуменьшению в профессиональном сознании значения квалификации преступлений. Это прежде всего большая практика освобождения от уголовной ответственности и наказания, условного осуждения лиц, совершивших преступления, а также соразмерность во многих случаях наказания, предусматриваемого и назначаемого за разные виды преступлений.

Следует сказать, что это опасное заблуждение, когда квалификация преступлений представляется менее значительной, чем есть на самом деле, поскольку данный вид правоприменительной дея-

³ Конституционный Суд РФ в Постановлении от 29 июня 2004 г. определил, что ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ устанавливают приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами и нормативными правовыми актами, но не признал соответствующие правовые предписания противоречащими Конституции РФ, «поскольку содержащиеся в них положения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не подразумевают разрешение возможных коллизий между данным Кодексом и какими бы то ни было федеральными конституционными законами и распространяются лишь на случаи, когда положения иных федеральных законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК РФ (см.: Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804).

⁴ В.В. Лунеев с уместной жесткостью пишет об опасности забвения в уголовном процессе учения о «материальной» истине и относит цель поиска истины к числу общих проблем юридических наук криминального цикла (см.: Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Гос. и право. 2007. № 5. С. 51–52).

тельности направлен на решение существенных правовых вопросов. В процессе квалификации преступлений подтверждается наличие основания уголовной ответственности, а в выводе о квалификации преступления дается официальная отрицательная оценка поведения лица как преступления конкретного вида.

Если деянию дана неверная уголовно-правовая оценка, есть основание для оспаривания обвинительных решений, и до отбывания наказания дело может не дойти вообще. И даже, когда наказание назначено и отбывается, лицо, на самом деле совершившее преступление, из-за неправильной квалификации может прийти к выводу о необоснованности своего наказания, соответственно остаются нереализованными предупредительная и воспитательная функции уголовного закона. Для тех, кто пострадал от преступлений, важно, чтобы государство возбудило уголовное преследование лиц, виновно причинивших вред или создавших угрозу причинения вреда, и дало отрицательную оценку такому поведению. Как и справедливое наказание преступника, правильная квалификация содеянного как преступления, со ссылкой на соответствующие статьи УК РФ, является для потерпевших своего рода моральной компенсацией причиненного вреда.

Последствием недооценки значения квалификации преступления может быть конфликтность отношений государства не только с преступником и потерпевшим, но и с гражданским обществом. Из непонимания решений носителей государственной власти о квалификации преступлений рождается неприятие уголовной политики. Например, в 2004 г. Верховный Суд РФ опубликовал материалы уголовного дела в отношении В. и свое решение об обоснованности квалификации его действий как убийства двух лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и о снижении срока лишения свободы с 13 до пяти лет⁵. 3 сентября 1998 г. В. убил двух мужчин при следующих обстоятельствах. Эти двое мужчин, находясь в нетрезвом состоянии, пришли к В. и потребовали уплатить долг. После этого ушли, пообещав вернуться. Примерно через полчаса они вернулись и снова стали требовать деньги, причем угрозы переросли в реально опасные действия. Один ударил В., а другой с лопатой стал приближаться к нему. В. зашел в другую комнату, собрал и зарядил принадлежащее ему охотничье ружье и предложил нападавшим уйти из квартиры. Поскольку те не уходили, он стал стрелять и убил их, а затем сообщил о происшедшем в милицию и вызвал скорую помощь”.

Несмотря на то что причинение смерти состоялось в условиях начатого и незавершенного напа-

дения, ведь нападавшие не покинули пределы квартиры и не отказались от продолжения нападения, и так считать у В. были все основания, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ исключила выводы и о правомерном поведении В. в состоянии необходимой обороны, и о неправомерном поведении, но в условиях превышения пределов необходимой обороны, квалифицировав содеянное на общих основаниях. Снижение наказания до пяти лет лишения свободы только подтверждает сомнения в правильности квалификации, поскольку срок наказания был выбран равным времени, прошедшему с момента осуждения В. Такое наказание явно не соответствует опасности убийства, установленного в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, зато юридически оправдывает реальное пребывание В. в условиях несвободы до изменения приговора. В подобных случаях естественно предположить, что в судебной системе не созданы гарантии признания и исправления судебных ошибок.

Отрицательное решение о необходимой обороне в приведенном примере диссонировало с широкой рекламой через средства массовой информации изменений ст. 37 УК РФ – “Необходимая оборона”, Законами РФ от 14 марта 2002 г. и от 8 декабря 2003 г. Разъяснялось, что эти законодательные новеллы направлены на расширение права на необходимую оборону. На самом деле данные изменения не новы: аналогичного характера изменения уже вносились в 1994 г. в Уголовный кодекс РСФСР. В ст. 37 УК РФ (в ред. указанных Законов РФ) подтверждается безусловная законность действий обороняющегося только при наличии опасности для жизни. В случаях иных посягательств возможны разночтения предусмотренного в Кодексе права на необходимую оборону с причинением вреда посягающему лицу. Такие законодательные правила в совокупности с выше приведенным примером официально опубликованной судебной практики не способствуют повышению активности граждан в самообороне и защите других людей, их прав и свобод.

Непонимание общественностью уголовной политики государства, реализуемой в практике квалификации преступлений, может привести и к социальным протестным проявлениям. Об этом, например, можно судить по публикациям в средствах массовой информации о национальной дискриминации при уголовном преследовании лиц, совершивших насильственные посягательства в отношении потерпевших, национальность которых отличается от национальности посягающих. Так, в 2006 г. предметом публичных оценок стали решения по уголовным делам о причинении смерти таджикской девочке в Санкт-Петербурге, нападении в

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 4. С. 22–23.

синагоге в Москве⁶ и массовых этнических столкновениях коренных жителей Кондопоги (Карелия) и приезжих с Северного Кавказа⁷. Из обвинения во всех названных случаях была исключена ст. 282 УК РФ – “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”, преступления были квалифицированы как совершенные не по мотиву национальной ненависти, а из хулиганских и личных побуждений. Одни представители общественности посчитали, что государство не принимает необходимых мер для противодействия националистическим насильственным проявлениям, по мнению других, государство признает проблему национализма, но дискриминационно по отношению к потерпевшим, с учетом их национальной принадлежности.

В условиях реального роста преступлений, совершаемых по мотивам идеологической, политической, расовой, религиозной ненависти или вражды, разъяснения должностных лиц о формальной невозможности применения состава ст. 282 УК РФ, о трудностях доказывания его признаков только усилили взаимное непонимание и неприятие участников социальных конфликтов. В самом деле если (с позиций государства) ст. 282 УК РФ невозможно применить из-за неясности признаков состава и трудностей их доказывания, тогда непонятно, зачем такая статья не только введена в УК РФ, но и остается в нем. Квалификация деяния без точного установления фактических обстоятельств дела и признаков состава преступления, с элементами аналогии должна исправляться. Государство обязано обеспечить соблюдение в правоприменительной деятельности принципов законности и равенства граждан перед законом.

Возможность квалификации насильственных действий, мотивированных национальной ненавистью со ссылкой на ст. 213 УК РФ как хулиганства получила законодательную опору. В соответствии с Законом РФ от 24 июля 2007 г. диспозиция ч. 1 ст. 213 УК РФ “Хулиганство” изложена в следующей редакции:

“1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы”.

Законодатель использовал здесь новый технический прием при определении конструктивных при-

знаков состава преступления, структурно обособив их в пункты. В связи с этим возникла проблема признания основного состава хулиганства составом с альтернативными признаками. Ввиду отсутствия союза “или” при перечислении конструктивных признаков состава хулиганства, буквальное толкование ч. 1 ст. 213 УК РФ приводит к выводу о безальтернативном характере основного состава хулиганства, соответственно, должны признаваться обязательными для состава хулиганства те мотивы, что названы в п. “б” ч. 1 этой статьи. Отсутствие в законодательном определении хулиганства упоминания о хулиганском побуждении является предпосылкой для отождествления мотивов национальной ненависти и хулиганских побуждений при квалификации преступлений. Новое определение неприменимо к традиционно понимаемому хулиганству как действию, связанным с нарушением общественного порядка, которые осуществляются без повода или с использованием малозначительного повода в отношении случайно выбранного потерпевшего. Вместе с тем создано формальное основание для квалификации как хулиганства устрашающих действий вооруженного лица в отношении неслучайно выбранного потерпевшего, мотивированных ненавистью, а равно враждой, связанной с принадлежностью лица к определенной социальной группе. Вряд ли такая переоценка преступлений в общественном мнении может быть воспринята как правильная.

Определение квалификации преступлений правильной только потому, что она осуществлена в соответствии с законом, представляется неубедительным. И в общественном мнении, и в профессиональном правосознании естественным является сопряжение правильной квалификации одновременно с идеями законности и истинности.

Несоответствие квалификации преступления уголовному закону – это формально подтверждаемая причина определения квалификации преступления неправильной.

Квалификация преступлений признается неправильной, если неправильно применены статьи Уголовного кодекса, в которых определяются признаки состава преступления и предписания общего характера, необходимые для его установления.

В соответствии с принципом законности, предусмотренным в УК РФ, преступность деяния определяется только настоящим Кодексом (ч. 1 ст. 3), применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 той же статьи). Согласно п. 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора суд должен решить вопрос, является ли деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый,

⁶ См.: Росс. газ. 2006. 18 апр.

⁷ См.: Росс. газ. 2006. 5 сент.

преступлением и каким пунктом, частью, статьей Особенной части УК РФ оно предусмотрено.

Статьи Общей части УК РФ, как правило, применяются при квалификации преступлений без ссылок на них, исключение составляют ст. 30 и 33, в которых изменяются и дополняются составы конкретных видов преступлений. Ссылки на ст. 30 и 33 и соответствующую статью Особенной части УК РФ обязательны при квалификации, соответственно, неоконченного преступления и совершения преступления не соисполнителем, а другим соучастником.

Нарушение принципа законности при квалификации преступления обнаруживается и если неправильно применены статьи УК РФ, на которые ссылки не делаются, но которым необходимо следовать при квалификации преступления. Например, в судебной практике квалификация преступлений часто признается неправильной в связи с неприменением или неправильным применением правила обратной силы уголовного закона (ст. 10 УК РФ), допущенными ошибками при разграничении форм группового совершения преступления (ст. 35 УК РФ), разграничении совокупности преступлений и единичного преступления в условиях конкуренции уголовно-правовых норм (ст. 17 УК РФ).

Системное применение статей УК РФ при квалификации преступления обусловлено сложностью содержания запрещающих уголовно-правовых норм. Структурные элементы норм этого вида выражены в совокупности статей Общей и Особенной частей УК РФ. Общие условия применения уголовно-правовых норм в связи с их повторяемостью в содержании многих норм вынесены в Общую часть УК РФ. В совокупность общих условий, обозначающих содержание гипотезы уголовно-правовой нормы, включаются: указания о порядке вступления нормативных актов в силу, предписания о действии уголовного закона во времени и пространстве, понятие совокупности преступлений, определения общих условий уголовной ответственности, характеризующих субъекта преступления, другие дефиниции.

Диспозиция нормы (соответствующий запрет) устанавливается в процессе разграничения смежных составов преступлений, выраженных в статьях Особенной части УК РФ, и толкования видовых признаков выбранного состава преступления. Следовательно, при применении запрещающих уголовно-правовых норм необходимо каждый раз осуществлять обратный процесс «воссоздания» содержания нормы путем объединения гипотезы и диспозиции.

Таким образом, при квалификации преступления применяется не только статья Особенной части УК РФ, в которой установлены видовые признаки

состава преступления, но и статьи Общей части УК РФ с условиями применения нормы. А в случае ссылочного или бланкетного способов выражения отдельных структурных частей нормы следует применять и другие статьи УК или иных законодательных актов.

Квалификация преступлений является неправильной не только в случае неправильного применения статей Уголовного кодекса, но и когда не выполнено требование полного и достоверного установления обстоятельств дела, имеющих значение для определения состава преступления, или установленные обстоятельства приблизительно выражены в выводе о квалификации преступления.

Актуальность задачи достижения истины в процессе квалификации часто ставится под сомнение. В уголовно-правовой литературе издавна обсуждается вопрос: можно ли считать квалификацию преступления неправильной, если следствию или суду не удалось полно и объективно установить фактические обстоятельства уголовного дела, и определение уголовно-правовой нормы состоялось, исходя из имеющихся данных. По мнению многих ученых, если квалификация соответствует имеющимся фактическим обстоятельствам, установленным в надлежащем процессуальном порядке, то она правильная. Б.А. Куринов, отстаивая названную позицию, писал, что в случае выявления новых обстоятельств изменение квалификации происходит «не из-за того, что она была произведена ошибочно, не потому, что она была неправильной в момент ее вынесения, а в силу того, что изменился объем и характер фактических обстоятельств, имеющих в распоряжении следствия или суда»⁸. Методологической основой такого решения стал вывод, что выявление объективной истины – это задача процесса доказывания, но не процесса квалификации преступления⁹.

В.Н. Кудрявцев представлял противоположную сторону в дискуссии. По его мнению, понятия «истинность» и «правильность» не должны противопоставляться применительно к процессу квалификации, причем всем его этапам, поскольку «при применении закона всегда должно быть достигнуто наиболее полное соответствие наших представлений объективной действительности»¹⁰. В.Н. Кудрявцев считал очевидным, что закон не может быть применен правильно, если факты по делу не установлены или установлены неверно¹¹.

⁸ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 25.

⁹ См.: там же. С. 26.

¹⁰ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 48.

¹¹ См.: там же. С. 40.

По мнению А.В. Корнеевой, выше названные позиции не являются взаимоисключающими, так как, с одной стороны, идею истинности она посчитала основополагающей для квалификации преступлений и назвала принципом квалификации преступлений, с другой – определила ее содержание с указанием на отсутствие ошибки правоприменителя и охарактеризовала в целом как относительную¹². А.В. Корнеева пишет: “Лицо, осуществляющее квалификацию преступления, связано и зависимо от объема и характера фактических обстоятельств, установленных в надлежащем процессуальном порядке. При этом не могут быть приняты во внимание никакие иные обстоятельства. Из этого следует, что квалификация преступления должна считаться правильной, если она объективно соответствует объему и характеру имеющихся фактических обстоятельств”¹³.

Л.Д. Гаухман фактически совмещает характеристики законности и правильности квалификации преступлений и не обсуждает значение критерия истинности¹⁴, наверное, потому что определяет природу квалификации преступлений как субъективную: “Квалификация преступления – субъективная категория – отражение в сознании лица, производящего правовую оценку содеянного, то есть субъекта квалификации преступления, во-первых, признаков совершенного деяния, во-вторых, признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом, и, в-третьих, совпадения того и другого”¹⁵.

В соответствии с действующим законодательством в судебной практике допускаются выводы о законности заведомо неистинных решений. Характерным в этом отношении является Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г.¹⁶ В нем дано разъяснение в связи с вынесением в отношении одних и тех же лиц двух приговоров. К. и А. после разбойного нападения на М. и завладения принадлежащим ему автомобилем с целью сокрытия преступления совершили множественные действия, направленные на лишение жизни М. Потерпевший остался жив в силу обстоятельств, от воли виновных не зависящих. Химкинский городской суд Московской области в приговоре от 8 октября 2004 г. квалифицировал учиненное К. и А. насилие как сопряженное с разбоем, при этом ограничился ссылкой на п. “б” ч. 4 ст. 162 УК РФ. По приговору Московского областного суда от 26 мая

2005 г. К. и А. были осуждены по ч. 3 ст. 30 и п. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ отменил последний приговор ввиду повторного осуждения А. и К. за одно и то же преступление, при этом объяснив: “Общеправовой принцип запрета повторного осуждения исключает саму возможность осуждения лица за то же самое преступление, выступая тем самым в качестве гарантии от повторного уголовного преследования и осуждения, в том числе и в тех ситуациях, когда действия виновного изначально ошибочно квалифицированы органами, осуществляющими уголовное преследование”.

В данном случае Верховный Суд РФ признал, что в первом из названных приговоров при квалификации было принято ошибочное решение – не была отражена имевшая место совокупность преступлений, но не придал этому юридического значения. К сожалению, предусмотренные в действующем уголовно-процессуальном законе процедурные нормы позволяют делать выводы о законности решений, не соответствующих фактам.

Актуальность цели выявления объективной истины многими ставится под сомнение применительно и к процессу квалификации преступлений, и для процесса доказывания, со ссылкой на условия состязательности уголовного процесса. Однако вряд ли кто-то возьмется отрицать, что процессуальная форма доказывания и в условиях состязательного уголовного процесса направлена на достоверное, а значит, истинное установление обстоятельств дела и не должна выступать препятствием для этого¹⁷.

Позиция, в соответствии с которой правильная квалификация не отличается от истинной квалификации и может включаться в цель доказывания по уголовному делу, методологически предпочтительна. Оценка квалификации преступления как правильной только потому, что дана с соблюдением норм уголовного и уголовно-процессуального закона, означает, что форме (процедурные правила установления события и состава преступления) придается значение абсолютного критерия оценки содержания (события преступления).

Это “формально-юридический перекосяк” в правоприменительной деятельности. И фактические

¹² См.: Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений. Учебное пособие. М., 2006. С. 15–16.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 3. С. 20–21.

¹⁷ О том, что требование достижения истины при уголовном преследовании лиц, совершивших преступления, отвечает назначению уголовного судопроизводства и в условиях состязательного процесса см., например: Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 18; Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 89; Тарасов А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии. М., 2004. С. 71–78; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 37–48.

обстоятельства дела, и состав преступления должны устанавливаться с соблюдением требования о том, что то, что установлено, должно соответствовать тому, что имело место в действительности. Конечно, если выбор уголовно-правовой нормы был предопределен имеющейся информацией об обстоятельствах уголовного дела, но вследствие установления новых фактосодержащих данных потребовалось изменение квалификации, то первоначальное решение о квалификации преступления – это *casuse*, поскольку субъект процесса квалификации преступлений в данных условиях не осознавал и не мог осознавать недостоверность вывода о совершении конкретным лицом определенного вида преступления. Но квалификация при названных условиях все же неправильная, поскольку вменялся состав преступления, на самом деле не отражающий действительный поступок человека.

Особая значимость решения о квалификации преступления для человека, которому вменяется состав преступления, а также для потерпевшего от этого преступления и для государства, невозможность в определенных случаях пересмотра вынесенного решения обуславливают высокий уровень требований ко всем представителям власти, и тем, кто устанавливает квалифицировать преступления, и тем, кто устанавливает материальные и процессуальные правила квалификации преступлений.

Термин “неправильная квалификация” предпочтителен по отношению к понятию того же категориального ряда “ошибка в квалификации преступления”. С ошибками неправильную квалификацию преступлений отождествляют многие. Те, кто не согласен с таким отождествлением, ссылаются на то, что бывает “объективно неправильная квалификация”, например из-за изменений уголовного закона¹⁸, и что ошибки допускаются только по неосторожности¹⁹.

О неосторожности при квалификации преступлений можно говорить, когда должностное лицо правоприменительных органов в силу невнимательности или вследствие ненадлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей не отдает себе отчет в ложности вывода о совершении конкретным лицом определенного вида преступления. И это следует считать его профессиональной ошибкой.

Неуместно говорить о профессиональной ошибке правоприменителя, если вывод о квалификации переоценивается в связи с вновь открывшимися обстоятельствами или изменением закона.

Нельзя относить к ошибкам заведомо неправильную квалификацию. В последнем случае речь может идти об умышленно совершенном преступлении. Должностное лицо, квалифицирующее преступление, будет признано специальным субъектом преступления против правосудия в случае вынесения им процессуального решения с заведомо недостоверным выводом о совершении конкретным лицом определенного вида преступления. В ст. 299 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена для дознавателей, следователей и прокуроров, принявших без законных на то оснований постановление о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительный акт, и в ст. 305 УК РФ – для судей за вынесение заведомо неправосудных приговора и иного судебного акта. Когда о случаях неправильной квалификации преступлений в целом говорят как о профессиональных ошибках, фактически включая в число ошибок и преступления, обнаруживается не только противоречивость вывода, но и не критичность оценки результатов правоприменительной практики.

Ввиду разнообразия характеристик отношения должностных лиц к принимаемым решениям о квалификации преступления и поскольку в соответствии с УПК РФ при изменении или отмене процессуальных документов не требуется устанавливать эти характеристики, при оценке состояния квалификации преступлений уместнее вести речь о неправильной квалификации преступления, а не о профессиональных ошибках.

* * *

Квалификация правильная ipso facto et ipso jure (в силу самого факта и по закону). Исходя из тех же критериев законности и истинности, квалификация преступления признается неправильной, если допущены нарушения при применении уголовного закона и не определены истинные выводы о событии преступления и его уголовно-правовой оценке. Приговор, в котором не установлена истина, не является справедливым.

*Социальная полезность цели осуществления истинной квалификации преступления в том, что она ориентирует должностных лиц правоприменительных органов на поиск необходимой и достоверной информации о преступлении. Напротив, непризнание взаимосвязи понятий “истинность” и “справедливость” способствует тому, что лица, квалифицирующие преступления, могут ограничиться оценкой очевидных обстоятельств. Такое бюрократичное профессиональное судебно-следственной деятельности сопряжено с умалением её этических характеристик. **Цель достижения истины в процессе квалификации преступления – важнейшая составляющая идеологии правоприменительной деятельности.***

¹⁸ Благов Е.В. Квалификация преступлений (Теория и практика). Ярославль, 2003. С. 18.

¹⁹ Кузнецов В.В. Уголовно-правовая ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 3.